

2. Сурет ГУСЕЙНОВ

С того момента, как он отбил атаку на свои казармы в Гяндже и повел свои танки на Баку, чтобы раздвинуть Эльчибей, Сурет Гусейнов превратился для русских в миф. Для либералов — в юмористический миф о жестоком полковнике, чья мечта — разнести по фонарям провинциальных «демократов». Для патриотов — в героический миф о народном повстанце, поднявшем долгожданное восстание против захватчиков. Он стал символом оскорбленной армии, переставшей терпеть разрушительную для нации и ее вооруженных сил политику бездарных властителей.

Патриоты продолжают ставить его в пример русскому воину, из чьих рядов за трагическую пятилетку, когда кесель сдерживала, стратегическая оборона и военная промышленность, не было услышано ни единого мужественного слова, не последовало ни единого достойного офицера поступка, не было выслано ни единого жалоба и стенования, угрозы полупешотом, унылая покорность, позволившая «демократам» разрушить группировки, флоты, защитные пояса, истребить добытое в победах и жертвах оборонное хозяйство.

Ворующие генералы, пыющие офицеры, дезертирующие солдаты — вот что сделало азербайджанского полковника героем в глазах русского патристического движения, мечтающего о своем Пожарском.

Я наблюдал Сурета Гусейнова по телевизору, когда шла сессия меджлиса. Напряженное резкое лицо, мрачно сжатые брови, блестящие глаза, устремленные на тех, кто еще недавно дал приказ уничтожить его казармы, пытался его убить, грохнул из артиллерии жилые здания, погубил 40 человеческих жизней, а теперь, униженный, излощенный, жалко бормотал на трибуне. Мне казалось, в нем

действует все тот же вектор, по которому из разоренной Гянджи его танки пошли к Баку, чтобы добыть, накапать отомстить.

Я знал о нем немного. Он инженер, директор Гянджинского завода по переработке шерсти. Когда началась война в Карабахе, он на средства завода и города создал воинские подразделения, закупал бронетехнику. В главе этого воинства, еще нерегулярного, скорее — ополчения, попал на фронт. Там отличился, стал Национальным героем Азербайджана. На фронте, где в изуродованных атаках гибли плохо обученные солдаты, он обнаружил, что эта война управляема. Его движет не мужество, не вражда, а деньги. За деньги можно организовать наступление, за деньги остановить. За деньги можно отступить из завоеванного села, в которое тут же придет неприятель, учинит жестокую бойню.

Продажность лидеров Народного фронта вызвала у Сурета Гусейнова отвращение и протест. Он стал оппозиционером. Его отозвали с фронта, вернули в Гянджу. Здесь размещалась воздушно-десантная дивизия России, которой командовал Шербаев. С Гусейновым они были друзьями. Покидая Гянджу, русский командир оставил другу часть дивизионного вооружения. Атака, затеянная Эльчибеем, пожелавшим уничтожить непокорного полковника, провалилась. Атакующие перешли на сторону Гусейнова, а их вожди были тут же арестованы.

Затем начался знаменитый марш на Баку, привеливший Сурета Гусейнова в кабинет премьер-министра, где еще недавно восседал его ненавистник — Панах Гусейнов. Он принимал меня в этом огромном старомодном кабинете, улыбался, пожимал руку и уже не казался мрачным. Он был любезен и приветлив.

Наш разговор, записанный на магнитную ленту, я привожу дословно.

УРОКИ АЗЕРБАЙДЖАНА

А. П. Народный фронт начал свое правление с обещаний добыть победы на фронте. За минувшие полтора года Азербайджан понес серьезные поражения на войне, армии вышли за пределы Карабаха и воюют на азербайджанских землях. Да и военное строительство, как я понимаю, оставляет желать лучшего. В чем же вина и ошибки Народного фронта?

С. Г. Руководители Народного фронта использовали нашу национальную трагедию в своих политических и даже коммерческих целях. Они хотели устранить Муталибова. Для этого они умышленно сдали армянам Ходжалы, те вырезали все население, со стариками и детьми, и народ в Баку прогнал Муталибова. Так они получили власть. Затем, видимо, за большие деньги, были сданы Лачин и Шуша. Шуша неприступна, она расположена на горе, выше Степанакерта, там хорошая оборона, запас продовольствия, боеприпасы. Но последовал странный приказ оставить город. В нем были пропшены не только жилища, но и военная техника, склады, снаряжение, даже деньги в банке. Это был предательский приказ. Так же и с Лачином. Местные жители просили: «Дайте нам автоматы — мы сами будем обороняться». Но Лачин сдали без боя. Мы создадим комиссию и выясним, кто и почему совершил это предательство...

Народный фронт не хотел иметь сильную армию, потому что армия ненавидела этих людей. Они создавали свои собственные военные формирования типа «серых волков», «боевых» не на фронте, а в тылу — против оппозиции. Грабили, угнетали народ. Делали Народного фронта не доверяли военным, ставили во главе частей и целых армий, направляли армию против народа. Они хотели арестовать всех лидеров оппозиции и установить диктатуру. Они хотели убить меня потому, что у меня был авторитет в армии. На них кровь, и они за нее ответят.

А. П. Но все-таки война продолжается. Армияе атакуют Агдам. Я знаю, часть воинов сил из-под Баку и Гянджи перебросена на фронт. Что вы, как премьер-министр, думаете о военном положении?

С. Г. Армия формируется и будет сформирована по всем современным стандартам, достаточным для одержания победы. У Азербайджана потенциал значительно больше, чем у Армении, — больше людей, ресурсов, финансов. Стратегически мы сильнее. Но мы с армией не стратегические враги — мы стратегические соседи. И мы хотим завершить войну политическими средствами. Наши народы не хотят этой войны, страдают от нее. Она нужна Эльчибею и Тер-Петросяну, которым управляют из-за океана. Карабахский

конфликт был задуман за океаном. Карабах поджог Горбачев, желавший развалить Союз. Первый огонь, который сжег Советский Союз, начался в Карабахе. И вся беда, свалившаяся на азербайджанский и армянский народы, потом свалилась на весь Советский Союз.

Эту реальность должны понять все республики Советского Союза. Они не могут равнодушно смотреть, как сегодня идет война в Карабахе. Остановить эту войну — их дело! Хватит им говорить: «Моя хата с краю!» Если горит хата в Карабахе или Кельбаджаре, другая хата загорится, рано или поздно, на Болоте или на Днепре.

Военным путем армянам никогда не победить. Они покупают себе солдат, у них воюют негры, ливанцы, другие наемники. А для нас эта война азербайджанская. Не только для азербайджанцев, но и для таджиков, для русских. Здесь у нас живет около миллиона русских. Россия не должна забывать об этом!

А. П. Эльчибей, Панах Гусейнов известны своими антирусскими настроениями. Их политика отворачивала Азербайджан от России, они способствовали росту антирусских настроений в республике. Каковы у вас личные связи с русскими?

С. Г. У меня много русских друзей, особенно среди военных. В Гяндже, вы знаете, стояли русские части. Когда расформировывалась 4-я армия, и русские офицеры уезжали домой, некоторые озлобленные азербайджанцы мешали им уехать. Задерживали, хотели отобрать конструкторы с вещами. Я вызывал к себе всех провокаторов, некоторых арестовывал. Говорил им: «Не смейте!»

Я ценю дружбу. Если я с человеком съел кусок хлеба, мы будем вместе всегда. У нас в армии много русских, не тех, что из России, а наших, азербайджанских. Они воюют за свою родину — Азербайджан, но, конечно, и за свою родину — Россию! Я уже сказал: карабахский конфликт — он не только против Армении и Азербайджана, но и против Украины, Грузии, России. Кончится эта война, все люди опомнятся, и опять будет мир в республике.

А. П. Вы, как премьер-министр, получили контроль над тремя силовыми министерствами. Им, видимо, вы и станете уделять свое главное внимание. Но экономика Азербайджана в беде. Как

действовать в условиях экономического кризиса? Как подобрать опытных управленцев, опытную отраслевую команду?

С. Г. Экономическая политика во многом упирается в кадровую, в вопрос «команды». Народный фронт привел убогую команду. Они ничего не умели, только разорали. И обманывали, и брали взятки, и делали грязную политику. ...Нам нужно делать чистую политику, народную политику, и тогда придет чистая команда. Нет неразрешимых проблем!

В народе есть много опытных, знающих людей! Кто строил наши заводы? Кто сажал виноград? Кто возводил нефтяные платформы? Все эти люди существуют, все они хотят работать — не на себя, не на свой клан, а на народ.

Мы пригласим этих людей к руководству, и они возродят республику. Гейдар Алиев — опытный человек, мудрый политик с большим опытом прошлого. Я сравнил молодого человека, по моему, остро чувствующего будущее. Мы будем дополнять друг друга. Повторяю: команда, о которой вы говорите, — это сам народ!

А. П. Здесь, в Баку, пока менялась власть, я наблюдал радость одних и тревогу других. С одной стороны, люди устали от хаоса, от безответственности, с другой — они боятся слишком «твердой руки», слишком жесткого порядка, боятся диктатуры. Недавние аресты лидеров Народного фронта, разгон митингов, закрытие штаб-квартиры — это многих тревожит.

С. Г. А разве не была диктатура диктаторов? Разве не была диктатура мафики? Разве не избивали на виду у всех оппозиционных журналистов? Разве по приказу высшего лица в государстве не была убита семья человека, позволившего себе неосторожно высказаться о президенте? Разве не двинули диктаторы свои войска на Гянджу, где сгорело и разрушилось от артиллерийской канонады много домов? Все это была диктатура Народного фронта.

Мы пришли, чтобы установить законность. Суд исследует вину арестованных и если ее найдет, они будут наказаны. Я сел в этот кабинет, чтобы добиться справедливости. Много моих друзей было убито, много ранено, много горя принесли эти люди моему народу. За это они должны понести наказание!

...Я не хотел брать власть. Я не шел к власти! Я шел своей жизненной дорогой, но она привела меня к власти!

А. П. Что вы думаете о положении в России, о положении в русской армии?

С. Г. Военные — это самые простые люди, самые наивные, самые чистые. Они готовят себя не к богатству, не к роскоши, а к бою и смерти за Родину. Власть должна уважать военных, бороться с ними. Военные, у которых есть семьи, дети, не должны жить в палатках на снегу, в то время, как коммерсанты играют в казино.

Если беспорядок в стране разрастается, если народ грабят и убивают, военные в конце концов теряют терпение. Они ведь тоже часть народа, который грабят и убивают...

Что такое демократия? Я не знаю! Может быть, это непрерывные бессвязные выступления Эльчибея, понятные ему одному? Или вседозволенность для группировки новых политиков, могущих развешивать по заборам, обогатиться, строить себе четырехэтажные дворцы? Народ не понимает демократии. Это медленный путь, медленное движение. Медленные людишки, обогатившие народ, разрушившие экономику и законность, — не демократы, они вообще не политики!

Со мной лично можно что-то сделать, можно убит, как хотели убит в Гяндже! Но я не боюсь, я осторожен! Важно, чтобы народ почувствовал облегчение. Важно, чтобы народ не боялся!

Из Дома Советов министров мы выходили вместе с Суретом Гусейновым. Он направлялся к Гейдару Алиеву. Молодые охранники, сумасшедшие, усаженные в модных костюмах, с автоматами и пистолетами, кинулись блошировать лестничные клетки, холлы, пространство перед резиденцией. Они мне чеш-то напали на армяне в Кябуле а то далеко лето, когда там менялась власть, и новые лидеры хотели облегчить страдания измученного воюющего народа.

Сурет Гусейнов простился со мной, и черный «мерседес» рынком уезжал по цветущей аллее, унося премьер-министра туда, где поджидал его семидесятилетний Алиев, а их обоих — тысячи грозных, почти неразрешимых проблем.

Александр ПРОХАНОВ,
Газета «День», № 30, 1—7 августа.